

Млена
Игулина

Осколки правды

18+

Елена Мигулина
Осколки правды

«Автор»

2026

Мигулина Е.

Осколки правды / Е. Мигулина — «Автор», 2026

Представьте, после Великой Катастрофы человечество наконец объединилось под властью корпорации «Ковчег», которая пообещала мир без войн и страданий. Люди поверили. Всё меняется, когда Любозар начинает получать странные сигналы из прошлого: послания от Арьи — женщины, которую он не знает и которая кажется ему до боли родной. Кто она? Следуя за призрачными следами Арьи мужчина собирает осколки утраченного наследия человечества. Каждый найденный осколок приближает его не только к любимой, но и к разгадке тайны, способной изменить судьбу миллионов. Как думаете, что важнее: спасти того, кого любишь или мир, который без неё теряет смысл? А герою предстоит сделать выбор между личным счастьем и будущим всего мира.

© Мигулина Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Мигулина

Осколки правды

Глава 1

Глава 1 Потерянный сигнал

Великая Катастрофа началась не с войны, не с эпидемии, и даже не из-за парникового эффекта, а с того, что маленькое небесное тело, замеченное слишком поздно, столкнулось с планетой.

Астрономы сотен лет говорили о комете Галлея и успокаивали людей тем, что она безопасна. И действительно, что могло внушать страх в этом небесном страннике, который периодически навещал Землю со времён древних людей?

И потому никто не подозревал, что комета, на которую человечество привыкло смотреть с любопытством, однажды станет той силой, которая разделит историю мира на два времени: до Великой Катастрофы и после.

За красивым светящимся хвостом небесного тела скрывалось страшное: смесь водяного льда, пыли и замёрзших газов, покоившихся в холоде космоса. Размер этого ледяного пришельца был всего лишь пятнадцать километров, но этого было достаточно для высвобождения дикого количества энергии при столкновении.

И вот настал день, когда сомнений не осталось: комета Галлея несла апокалипсис на планету Земля на огромной скорости.

Человечество оказалось не готово.

Удар пришёлся в океан.

Море восстало. Вода поднялась стеной. Волны, горными хребтами, обрушились на берега и уничтожили прибрежные страны. Мусор, плавающие деревья, виднеющиеся крыши машин — всё напоминало о погибшей жизни.

Но это было только начало.

В атмосферу поднялись пары воды, пыли и газы, высвободившиеся из кометы. Небо потемнело. Солнце исчезло. Наступили сумерки. Потом пришёл холод.

Сначала люди думали, что это ненадолго.

Но проходили годы, а мир становился всё суровее: леса гибли, а вместе с ними погибали животные. Изменился климат, сезоны размыли свои границы. Дожди, насыщенные ядами из атмосферы, вносили свою лепту. Одни земли ушли под воду, а другие превращались в каменные пустыни.

И тогда впервые за всю историю люди перестали делить себя на нации и народы. Границы исчезли: перед холодом и голодом все равны. Так родилась новая цивилизация, а с ней единственная страна, ограниченная Великим Океаном.

Человечество взялись спасать ни сильные мира сего, а те немногие учёные, которые остались в живых. Спасти природу невозможно, но создать с помощью технологий оазисы с контролируемой средой оказалось достижимой целью.

Под стеклянными куполами возникли первые искусственные сады и поля. За прозрачными стенами за этим изобилием подглядывала смерть, а внутри цвели деревья, колосились поля, летали пчёлы и рождались телята.

В центре, между куполами появился город Нулевой. Он стал точкой для других крупных поселений, расположенных на восьми окружностях. Города называли по номеру своего круга и месту в нём: Первый, Один-один, Один-два... Второй, Два-один, Два-два... В этой кажущейся сухости заключался глубокий замысел учёных: так им было проще разработать систему жизнеобеспечения одной единственной страны на планете по единым законам, учитывая ошибки прошлого и новые реалии.

Так мало-помалу сложился новый порядок, которому предстояло просуществовать многие десятилетия.

Люди всегда думали, что, наведя порядок вокруг себя, избавлялись от лишних проблем и неожиданностей. Но жизнь всегда имела свои виды на человека и выбирала нужного для своих замыслов не в дни великих свершений, а в самые обыкновенные ночи, подобные той, когда Любозар, ничего ещё не подозревал о том, что ему предстоит узнать о самом себе и мире. Проснулся он от странного сигнала, исходившего от колыбели, оставленной им вечером возле кровати.

Колыбель — это старинная штукавина, предназначенная для считывания и восстановления Источников — носителей, хранящих память, характер, голос и чувства человека. Когда-то её создали для сохранения человеческих судеб и памяти прежнего мира после Великой Катастрофы, всего того, что люди не хотели предавать забвению. Но со временем технологии шагнули далеко вперёд и назначение колыбели было забыто, подобно тому как фотографии, аудио и видео. Немногие оставшиеся экземпляры стали считаться бесполезными реликвиями прошлого.

Пробудился Любозар от непонятного глухого шума и звука потрескивания дров в камине, которые возникли внезапно возле уха. С прикроватной тумбочки доносились характерные помехи, которые Любозар слышал в последний раз в раннем детстве в гостях у деда. Это была допотопная рация. Среди шипения и прерывистого гула на мгновение возник человеческий голос, но тут же снова утонул в стрекочущем шуме. Потом прорвались обрывки слов. Словно кто-то пытался пробиться сквозь годы и расстояния.

Любозар, не открыв глаз, продолжал лежать в ленивой неподвижности, которая всегда бывает у человека в первые секунды после того, как неожиданно прервался глубокий сон. Треск прекратился. Но мужчина уже почувствовал, что в тишине его квартиры, столь привычной ему, как и вся его жизнь, состоявшая из одних и тех же дней, одних и тех же дорог и одних и тех же мыслей, появилось что-то новое. Что-то такое, чего он ещё не осознал, но понимал, что требует его внимания.

Слабый прерывистый звук настойчиво повторился, жалостливо напомнив о себе, как будто у него было желание, как у разумного, быть услышанным. И тогда Любозар, приподнявшись на локте, оглядел темную спальню. Её освещали редкие огни Шестого города, проникавшие сквозь тяжёлые шторы панорамного окна. Глаза выхватывали очертания огромного телевизора на стене напротив кровати и громоздкого комода с правой стороны. Затем, вспомнив про старый прибор, купленный им накануне, посмотрел на тумбочку. Сон как рукой сняло.

Колыбель источала мягкое сияние, а поверхность отливала перламутром, похожим на внутреннюю сторону раковины, только в светло-коричневом оттенке. И лишь под определённым углом зрения в глубине прибора на мгновение вспыхивали едва заметные зелёные, синие, золотые и янтарные отблески, будто устройство помнило цвета чего-то давно утраченного.

Любозар сел на край кровати. Включил ночник на тумбочке. Взял колыбель. Покрутил в руках. Она по форме напоминала пчелиную соту. На четырёх сторонах были разъёмы для подключения Источников. Сверху три кнопочки, которые никак не обозначались. А снизу находился шестигранный разъём — то ли для зарядки, то ли для подключения к какому-то другому устройству. Любозар окрестил подобные приборы без инструкции по принципу, который мысленно называл «Догадайся сам».

Над кнопочками были видны остатки эмблемы «Ковчег», что свидетельствовало о принадлежности устройства к государственной корпорации, которая была создана для спасения человечества. И это было странно: на барахолке находилось то, что система уничтожала, чтобы сохранить секретность.

«Была не была», — подумал мужчина и нажал на среднюю кнопку.

Воздух над прибором дрогнул. Начал медленно складываться в изображение, которое то исчезало из-за помех, то снова появлялось. И вот — как из тумана — появился силуэт.

Это была девушка. Лицо её вдруг оживилось, глаза засияли, и она рассмеялась так искренне, что невольно вызывала ответную улыбку у Любозара.

И не было в этом смехе ни той нарочитости, с которой люди смеются для других, ни той весёлости, которая бывает следствием чей-то шутки. Напротив, весь её облик, весь этот простой и счастливый смех выражали то спокойное и глубокое счастье, которое возможно только рядом с любимым человеком.

— Люблю тебя, — донёсся сквозь треск её голос.

И она, стесняясь, улыбнулась. А в глаза было столько нежности. И в этом было что-то до боли знакомое.

«Кто она? Почему у меня ощущение, что я её знаю?», — подумал Любозар.

Он не понимал, отчего улыбка этой таинственной незнакомки, которую он, как ему было совершенно известно, никогда не видел, не вызывала в нём ни любопытства, ни неловкости. Такое неизбежно испытал бы другой человек, случайно ставший свидетелем чужой близости. Напротив, ему казалось, будто он встретил человека, с которым давно расстался и которого, сам того не ведая, ожидал всю свою жизнь.

В этот момент, когда эта мысль до конца ещё не приобрела очертаний, голограмма дёрнулась, рассыпалась на мгновение, а потом вновь возникла.

Но это уже была другая, не та влюблённая девушка. Да, лицо оставалось тем же, как всё остальное. Но исчезла радость, исчезла та безмятежность, которая только что освещала её черты. Появилось выражение, которое Любозар не раз видел у людей, внезапно осознавших приближение беды.

Она быстро обернулась, будто прислушиваясь к чему-то за пределами изображения, а затем, взглянув прямо перед собой тем серьёзным и исполненным тревоги взглядом, который бывает у человека, решившегося на последнее и самое важное, прошептала:

— Найди меня.

Помехи усилились. Лицо её на мгновение исчезло. Потом вновь проступило.

И уже сквозь шум, треск и рябь, сквозь всё то сопротивление времени, которое, казалось, само не желало выпускать эти слова наружу, мужчина услышал:

— Любозар, не верь... своей памяти...

И всё исчезло.

Комната вновь погрузилась в привычную ночную тишину, а всё увиденное, если рассуждать здраво, можно было бы принять за случайную ошибку старого прибора или даже за обман собственного воображения, которому, как известно, свойственно продолжать сон и после пробуждения.

Любозар ещё долго сидел неподвижно, чувствуя оцепенение от увиденного и услышанного. Появился страх от неизвестности и понимания того, что эти слова прозвучали именно для него, а не для случайного свидетеля чей-то трагедии. Столько десятков лет колыбель хранила эти обрывки какого-то происшествия, действительно принадлежавшие ему. Впервые мужчина осознал, что страшнее всего не потерять память, а однажды узнать, что она была у тебя отнята.

Наконец, Любозар очнулся от того, что ему очень сильно захотелось пить. Он встал, прошёл в открытый проём между стеной и окном, попав в гостиную. Полукруглое окно вело его дальше к следующему проёму, и наконец, он попал на кухню, пространство которой естественно перетекало из гостиной.

Кухня была без окна: между нею и панорамным стеклом находилась стена детской комнаты. У мужчины не было детей, но это стандартная планировка квартиры в круглых башнях-домах.

Квартира Любозара занимала четверть этажа жилой башни. Сам этаж представлял собой круг, разделённый на четыре одинаковых сектора, поэтому входная дверь каждой квартиры являлась дверью в лифт, шахта которого являлась центром башни.

В центре квартиры был круглый, общий, с другими квартирами, узел жизнеобеспечения. Именно через него проходили все основные коммуникации: водопровод, электричество, интернет и другие инженерные системы, включая доставку товаров. Рядом с центральным узлом размещались ванная и санузел. Такое расположение позволяло максимально сократить длину инженерных коммуникаций и сделать обслуживание всего здания значительно проще.

Комнаты были образованы из четырёх стен, исходящих от центра квартиры.

Стены не доходили до наружной стены здания, оставляя широкие проходы, благодаря чему пространство казалось открытым и свободным.

Вся внешняя дуга квартиры представляла собой одно сплошное панорамное окно от одной несущей стены до другой. Сквозь него открывался вид на ночной город, а длина охватывала сразу три комнаты: гостиную, спальню и детскую.

Сразу за входной дверью находилась небольшая раздевалка с местом для верхней одежды и обуви. Из неё можно было попасть в туалетную комнату, кухню, детскую.

Гостиная занимала центральную часть внешнего полукруга квартиры. Здесь стоял огромный, в сложенном состоянии, диван, стеклянный журнальный столик, настенная медиапанель и несколько кресел.

Только зачем всё это было одиночке, проводившему вечера неизменно одинаково: то лёжа на кровати перед телевизором, то сидя за кухонным столом с компьютером и терпеливо доводя до совершенства очередную программу?

Хотя детей у Любозара не было, комната сохранилась практически без изменений: низкая кровать, шкаф, полки с книгами и игрушками, письменный стол у панорамного окна. Иногда он заходил сюда подумать, может даже помечтать. А теперь, проходя на кухню, он невольно поймал себя на мысли: а может, всё это появилось здесь потому, что когда-то он готовился стать отцом?

Вся квартира была выдержана в минималистичном стиле нового мира: светлый архитектурный бетон, матовые композитные панели, тёплая подсветка, скрытая в стенах и потолке. Современная мебель соседствовала с антикварной, уцелевшей после Великой Катастрофы. Так люди экономили ресурсы, не спеша заменять то, что ещё могло служить. Но позволить себе такую роскошь могли далеко не все.

Любозар налил воды и отхлебнул. Всё в той же задумчивости, со стаканом, прошёл в спальню и посмотрел на колыбель. Она молчала.

«Так... Средняя кнопка включает голограмму. А что правая?» — Мужчина ещё несколько секунд колебался (готов ли он ещё что-то узнать), потом, уступив собственному любопытству, нажал на кнопку.

Включилась аудио запись.

«Капсула Арья-23. Аварийная разгерметизация. Отклонено», – сказал мужской голос.

Любозар поднял брови вверх: «Что это? Голос чем-то похож на мой».

Следом услышал:

«Пациент: Арья. Статус: объект удалён. Последнее местонахождение: архив башни "Ковчег"».

Мужчина хотел отключить прибор, но колыбель вдруг озвучила, заранее надиктованный текст: «Запроси проверку носителя №23033023». Любозар пошёл к компьютеру, захватив стакан с водой, и сделал запрос. На экране появилось то, от чего у него похолодели руки:

«Совпадение найдено. Любозар. Резервная личность».

После этого открылся испорченный фрагмент. Видео не было — только звук пиков дрожащей линия пульса, шум дыхания и обрывок голоса, записанный для архивации.

На компьютере тут же всё исчезло, будто кто-то обнаружил запрос, который не должен был существовать. Но Любозар уже понял: « "Ковчег" каким-то образом допустил утечку информации и колыбели в целом. А может не знал об этом? Кто-то очень умный хитро обошёл систему. Но зачем?»

Корпорация допустила ошибку, посчитав голограмму девушки, которая смеялась и признавалась кому-то в любви, невинной. Тонкий расчёт: сделать начало записи безобидным, скрыв угрозу в конце. Хм... хочешь что-то надёжно спрятать — положи это на самое видное место».

Вернувшись в спальню, Любозар ещё раз повертел колыбель в руках. Внимательно осмотрел со всех сторон, словно надеялся найти какую-нибудь надпись, царапину или хоть что-нибудь такое, что объяснило бы ему произошедшее. Но металл, потускневший от времени, хранил своё молчание, и от этого молчания старой вещи ему почему-то становилось ещё спокойнее.

— Что же ты такое? — невольно проговорил он.

Но, разумеется, ответа не последовало.

Любозар осторожно положил колыбель обратно на столик возле кровати, словно боялся повредить её. В горле опять пересохло, и он вновь попил. Делал он это медленно, но прохладная вода не приносила ему облегчения, которое он ожидал найти в обыкновенных действиях, столь часто помогающих человеку убедить самого себя, что ничего необыкновенного не произошло. Тогда он вышел в гостиную и остановился перед огромным панорамным окном.

Любозар, когда не спалось, чтобы успокоиться, любил смотреть на город.

А город спал. Тысячи огней, рассыпанных по концентрическим улицам, уходили в темноту, и центральная башня, возвышавшаяся над всеми районами, казалась исполином.

Незнакомая девушка только что призналась ему в любви.

Незнакомка умоляла найти её.

И самым страшным было то, что где-то в глубине души Любозар уже знал: она не была незнакомкой. Мужчина почувствовал себя человеком, который услышавший мелодию из детства, не может вспомнить её, но узнаёт сердцем.

Он продолжал мучиться в попытке вызвать в памяти её лицо, улыбку, себя рядом, в конце концов.

«Нет, — подумал он, — я никогда её не видел».

И в то же мгновение почувствовал, как сердце ёкнуло: «Не ври самому себе!». Это ощущение было таким странным, что Любозар даже причмокнул и мотнул головой вправо.

В самом деле, что могла значить для него эта неизвестная женщина?

Почему её голос, её смех, её тревожный взгляд не вызывали в нём простого любопытства, а отзывались чем-то таким, чем он сам не мог выразить словами?

И чем больше он убеждал себя, что никогда прежде её не встречал, тем сильнее ему казалось, что обманывает его не сердце, а, напротив, память, которой он привык доверять всю жизнь и которая, видимо, и скрывает что-то гораздо большее.

Любозар долго стоял у окна в гостиной, не замечая ни того, как в руке его давно опустел стакан, ни того, как редкие облака, медленно плывшие над городом, то закрывали, то вновь открывали другой слой неба, который закрыл солнце: даже днём его почти не было видно. Среди стекла башен и огней улиц, почти никто не смотрел вверх, ибо люди, жившие здесь, давно привыкли считать, что светило безвозвратно утеряно. И только учёные не теряли надежды найти способ пробить образовавшийся верхний слой.

И, между тем, город, лежавший перед ним, был прекрасен. В центре возвышалась центральная башня. Она уходила вверх широкими цилиндрами, постепенно уменьшаясь кверху, словно детская пирамидка, сложенная рукой великана. Её стеклянные стены, отражая огни, казались то прозрачными, то чёрными, как вода Великого океана днём.

Вокруг неё, расходясь правильными кругами, стояли башни поменьше. Если взглянуть на город сверху, то можно было бы увидеть расположение улиц в вид колец, словно круги на воде, которые разошлись от брошенного камня.

Между башнями пролегли широкие дорожки, по которым в этот час уже почти никто не ходил, и только редкие транспортные капсулы беззвучно скользили по своим линиям, напоминая ночных птиц, которые, пролетев, исчезали во тьме.

Когда солнце уходило за горизонт, то город погружался в кромешную тьму. И тогда бетон этих башен становился мягким и тёмным, как влажная земля после дождя. Бесконечные стеклянные стены светились изнутри, как большие фонари.

За бесчисленными панорамными окнами, ещё горели отдельные огни. Где-то запоздалый человек сидел за книгой. Где-то мать поправляла одеяло ребёнку. Где-то компания молодых людей, забыв о времени, разговаривала, не замечая, как ночь подходит к концу. А где-то одинокий старик, как и Любозар теперь, стоял у стекла и смотрел в темноту, думая о чём-то своём.

Весь этот бетон, стекло, металл и свет, созданные человеческой мыслью, казались не мёртвыми, а чем-то удивительно живыми, словно огромным организмом, спокойно и размеренно дышавшим в ночи.

Но чем дольше Любозар смотрел на этот мир, тем сильнее ему становилось не по себе. Вокруг всё было спокойно.

Слишком спокойно.

Башня в центре стояла так же, как стояла вчера.

Огни в окнах мерцали так же, как мерцали неделю назад.

Транспортные капсулы двигались с той же точностью, с какой двигались всегда.

И только он один, человек, проживший здесь пятьдесят три года среди этого порядка, вдруг узнал, что возможно, он здесь и не жил. Или жил, но гораздо меньше, потому что в его прошлом, возможно, был другой город и с другим укладом жизни.

И всё потому что где-то среди миллионов людей одна девушка, а сейчас взрослая женщина, которая, быть может, уже не существует, произнесла его имя.

И он, не помнивший её, почувствовал, что весь этот огромный город, со всеми его башнями, огнями и безмятежностью, стал вдруг таким маленьким по сравнению с тайной, которую он ещё не понимал, но которая уже начала менять его жизнь.

Любозар продолжал размышлять и смотреть на ночной город, который лежал перед ним своими бесчисленными огнями, словно огромное неподвижное созвездие.

Вдруг вспомнились слова учителя, сказанные ещё в школе:

— Человечество выжило не потому, что стало сильнее природы, а потому, что наконец признало свою зависимость от неё.

И странно было ему думать, что люди сумели сохранить жизнь, но не заметили того, как среди всех этих забот произошло нечто ещё, гораздо более незаметное, и потому гораздо более опасное, — они начали терять свободу воли: соблюдали жёсткие правила и законы. Главный учёный Северин, по совместительству Предводитель нового мира, называл это дисциплиной во благо спокойной и мирной жизни.

Рассвет Любозар ни разу не видел, но знал по старинным фотографиям и описаниям в книгах. Поэтому начало дня он начал не с представления красивого вида восхода, а с простого вопроса. Он даже удивился, почему не подумал об этом раньше. Случайность ли то, что продавщица уговорила его купить колыбель, о существовании которой ещё вчера утром он не подозревал?

Всё началось с пустяка, который в ту минуту казался ему досадным, но совершенно обыкновенным. Старая микроволновая печь, пережившая Великую Катастрофу и доставшаяся ещё от родителей, давно пережила свой срок работы и окончательно отказалась работать. Любозар, не любивший выбрасывать сломанные вещи без попытки дать им вторую жизнь, отправился на окраину последнего круга, в тот район, о котором жители центральных башен предпочитали не говорить. У них это место пользовалось дурной славой.

Там не было стеклянных цилиндров, построенных по тем же законам, что и весь город. Там существовала другая жизнь, не столь правильная и благополучная. В обычных хибарах прятались игорные дома, дешёвые забегаловки, заведения, куда люди приходили искать забвения, а между ними теснились бесконечные ряды лавок и мастерских, где продавались вещи, давно устаревшие. Они продолжали своё существование лишь потому, что бедные люди и все те, кого «правильный» мир не сумел сделать счастливыми, научились возвращать старое барахло в обиход.

И вот там, среди груд старых терминалов, проводов, пожелтевших экранов и тысяч вещей, назначение которых давно забылось, он искал деталь для микроволновки. Как увидел её. Лицо, тёмное от природы, с чуть широковатыми скулами, с большими внимательными глазами невольно напоминало старые изображения женщин Индии, которые когда-то Любозар видел в учебниках по истории.

Но не это прежде всего запомнилось ему, а волосы. Они были необыкновенно длинными. Женщина носила собственные пряди, густые, чёрные, с едва заметным медным отливом, который появлялся лишь тогда, когда на них падал свет. В то время как большинство представительниц прекрасного пола предпочитали короткие причёски или искусственные волокна, менявшие цвет в зависимости от освещения.

Волосы её были распущены. Множество тонких косичек переплетались между собой с серебристыми нитями, образуя сложный узор, напоминавший русло реки, если смотреть на него сверху. Среди этих нитей были вплетены крошечные прозрачные пластинки, настолько тонкие, что они казались каплями росы и мерцали, когда девушка поворачивала голову.

Одета она была просто и вместе с тем необычно. Поверх тёмного тёплого облегающего комбинезона из мягкой ткани, менявшей оттенок от графитового к синему, был наброшен длинный жилет без рукавов, сотканный из множества узких гибких полос, похожих на волны. Они двигались при каждом шаге и отражали свет, создавали впечатление, будто струится вода.

На запястьях её вместо украшений находились тонкие светящиеся браслеты, с непонятными знаками и символами. На шее висело старинное медное ожерелье в виде обруча с небольшим украшением в виде четырёхлистного клевера. Любозар не придал четырём листикам значения, хотя впоследствии именно этот знак не раз всплывал в его жизни.

Вспоминая тот вечер на барахолке, Любозар не мог понять, отчего среди тысяч лиц, встреченных им в жизни, он запомнил именно её — хранительницу памяти о своих предках. Пожалуй, только она одна, увидев Любозара, обрадовалась ему, словно старому другу. А он, всего лишь, спросил только деталь для микроволновой печи.

Ааша, как она представилась, тут же отыскала её среди множества деталей в одной из коробок. Но вдруг, словно вспомнив о чём-то, протянула ему небольшую вещицу.

— И это купи, — сказала она.

— Что это?

— Колыбель.

— Для чего?

Она улыбнулась.

— Для счастья.

Любозар засмеялся.

— Такого прибора ещё не придумали.

— Ошибаетесь, — ответила она. — Подключите Источники с песнями до Великой Катастрофы. Послушаете старые хиты, и жизнь станет ярче.

Цена была смехотворной. Он купил её почти даром.

Сидя на краю кровати перед сном и рассматривая колыбель при свете лампы, Любозар с удивлением обнаружил то, чего не заметил на барахолке.

«Гнёзда. Странные. Глубокие. Сложные. Нет, музыкальные носители выглядели иначе. А эти... Эти больше походили на разъёмы для Источников... Источников...»

Мужчина невольно сщурился, на секунду задумался и озарился радостным выражением лица.

«Источник?! Так это носители, которые хранили не музыку и фильмы, а судьбу человека. Такие Источники исчезли ещё до моего рождения. По крайней мере, мне так говорили. А может мне врал или меня подводит память?».

Он снова вспомнил Аашу.

«Для счастья...»

«Жизнь станет ярче...»

И вдруг ему показалось странным не то, что она продала ему колыбель за бесценок, а то, что сказала она это с такой уверенностью, словно предлагала старую вещь не случайному покупателю, а хозяину потеряшки.

И, чем дольше он думал, тем сильнее овладевало им то непонятное ощущение, что эта встреча не случайна, что она запланирована для того, чтобы колыбель попала в его руки. Но зачем она нужна, если у него нет Источников. И чьи они?

Любозар твёрдо решил, что, как только наступит вечер, он отправится обратно на баахолку. Теперь ему хотелось узнать уже не столько, что представляет собой колыбель, сколько откуда Ааша знала, что колыбель принадлежит ему, и получить наконец ответы на вопросы, не дававшие ему покоя.